

Дубровская Е. Ю. Политическая самоидентификация российских военнослужащих в Финляндии весной 1917 года / Е. Ю. Дубровская // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 289—308. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-289-308.

Dubrovskaya, E. Yu. (2021). Political Self-Identification of Russian Military Personnel in Finland in Spring 1917. *Nauchnyi dialog*, 12: 289-308. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-289-308. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-289-308

Политическая самоидентификация российских военнослужащих в Финляндии весной 1917 года

Дубровская Елена Юрьевна
orcid.org/0000-0003-1893-7873

кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник сектора истории
ldubrovskaya@inbox.ru

Институт языка, литературы и истории —
обособленное подразделение
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Федерального исследовательского центра
«Карельский научный центр
Российской академии наук»
(Петрозаводск, Россия)

Благодарности:

Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII—XXI веков: новые подходы и интерпретации» 121070700117-1

Political Self-Identification of Russian Military Personnel in Finland in Spring 1917

Elena Yu. Dubrovskaya

orcid.org/0000-0003-1893-7873
PhD in History, Senior Researcher
of the History Sector
ldubrovskaya@inbox.ru

Institute of Linguistics,
Literature and History
of the Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Acknowledgments:

The research was financed from the federal budget for the fulfillment of the state task of the KarRC RAS “Karelia in the conditions of social transformations of the XVII-XXI centuries: new approaches and interpretations” 121070700117-1

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выявлены социально-психологические особенности поведения российских военных в Финляндии в начальный период революции 1917 года, включая формирование поведенческих стереотипов, новых «образов врага», изменение их представлений о «своих» и «чужих», трансформацию социально-нравственных норм. Актуальность исследования обоснована необходимостью применения относительно нового историко-антропологического подхода к изучению роли военного фактора в истории России и Финляндии. На материалах революционного Гельсингфорса и нестоличных гарнизонов рассмотрен процесс идейного и организационного самоопределения сторонников эсеровской и большевистской партий, систематизированы и проанализированы сведения о численности и начале деятельности этих партийных организаций. Новизна исследования видится в том, что обращение к проблеме «Революция и человек» и изучение образов «Своего», «Чужого», «Другого» в восприятии участников и очевидцев событий в связи с их участием в общественных трансформациях революционного времени впервые позволяет получить представление об умонастроениях рядовых и офицеров — самой активной части русского населения Финляндии. Автор приходит к выводу, что роль российских военных в событиях весны 1917 года значительно более существенна, чем было принято считать прежде.

Ключевые слова:

русская армия и флот; Финляндия; российская революция 1917 года; политическая самоидентификация; образ врага; свои; чужие; военная антропология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The socio-psychological characteristics of the behavior of the Russian military in Finland in the initial period of the 1917 revolution were revealed, including the formation of behavioral stereotypes, new “images of the enemy”, a change in their ideas about “friends” and “foes”, and the transformation of social and moral norms. The relevance of the study is due to the need to apply a relatively new historical and anthropological approach to the study of the role of the military factor in the history of Russia and Finland. Based on the materials of the revolutionary Helsingfors and non-capital garrisons, the process of ideological and organizational self-determination of the supporters of the Socialist-Revolutionary and Bolshevik parties is considered, information about the number and the beginning of the activities of these party organizations is systematized and analyzed. The novelty of the research is seen in the fact that addressing the problem of “Revolution and man” and studying the images of “Friends”, “Foes”, “Other” in the perception of participants and eyewitnesses of events in connection with their participation in social transformations of a revolutionary time allows for the first time to get an idea of the mentality of privates and officers — the most active part of the Russian population of Finland. The author comes to the conclusion that the role of the Russian military in the events of the spring of 1917 is much more significant than was previously assumed.

Key words:

Russian army and navy; Finland; Russian revolution of 1917; political self-identification; image of enemy; Friends; Foes; military anthropology.

Политическая самоидентификация российских военнослужащих в Финляндии весной 1917 года

© Дубровская Е. Ю., 2021

1. Введение

В истории более чем столетнего пребывания Финляндии в составе Российского государства в качестве автономного Великого княжества и дислокации на его территории российской армии и флота Первая мировая война занимает особое место. До августа 1914 года значение княжества в российских военных планах сводилось к прикрытию путей из Балтийского моря в Финский залив в направлении столицы империи, однако с началом военных действий линия обороны была перенесена на побережье Финского и Ботнического заливов. Возникла необходимость защищать не только российскую столицу, но и собственно финляндскую территорию [Бажанов, 2007; Соломещ, 1992, с. 23—27].

С 1809 года своим присутствием в Финляндии российская армия и флот призваны были постоянно напоминать населению княжества о необходимости уважительного отношения к имперской власти, а военная сила всегда оставалась последним аргументом в пользу сохранения общественного порядка и лояльности политике самодержавия. Особенность флотских и армейских частей и соединений, находившихся в гарнизонных городах княжества и на балтийских военно-морских базах, определяется тем, что Финляндия, не став театром военных действий, не являлась и тылом в его обычном понимании [Дубровская, 2008]. Размещенные здесь соединения входили в состав действующих армии и флота. Условия их жизни, существенно отличавшиеся от фронтовых, нельзя отождествлять и с обстоятельствами службы в тыловых гарнизонах в глубине России, особенно это касается частей, стоявших вдоль государственной границы со Швецией.

Настроения жителей финляндского княжества и его столицы Гельсингфорса (Хельсинки) по отношению к центральной имперской власти и к российским войскам, стоявшим в гарнизонных городах, довольно подробно исследованы в работах по «русскому периоду» в истории Финляндии [Клинге, 2005; Лунтинен, 2006; Кагемаа, 1988]. Если на протяжении трех лет войны все официальные издания были проникнуты выражением ненависти к врагу — немцу, то во время российской революции 1917 года этот прежний «образ врага» был преумножен и дополнен новыми — представителями «старого строя», духовенством, офицерами, «буржуями», под которыми стали под-

разумеваться затаившиеся враги революции. Как отмечает О. С. Поршнева, автор монографических исследований по проблемам изменения психологии рядовых военнослужащих, активных участников политического процесса в России 1917 года, солдатская масса своим поведением в значительной степени определяла развитие этого процесса. Сформировавшийся в ходе войны образ «внутреннего врага» в разных, сменяющих друг друга модификациях — «внутреннего немца», «темных сил» (правящей династии, царской бюрократии), «начальства», «буржуазии» — повлиял на усиление недовольства в солдатской среде, способствовал аккумуляции опасной энергии социального взрыва в армии» [Поршнева, 2000, с. 287, 324—325]. Сказывалась усталость от войны, недовольство «человека с ружьем» переходило в революционное брожение, и ненависть рядовых моряков и армейцев перекидывалась с внешнего врага на «врага внутреннего», обрушиваясь на собственные правительства [Сенявская, 2006, с. 71].

Однако представления солдат и матросов, которые продолжали свою службу в Финляндии, об этом «внутреннем враге», о «своих» и о «чужих», утвердившиеся в их среде весной 1917 года, остаются не изученными. В течение многих лет отечественные исследователи уделяли внимание лишь отдельным этапам истории дислоцированных здесь российской армии и флота, как правило, времени непосредственной подготовки Октябрьской революции, поскольку в предшествующий ей период выборные руководящие организации моряков и армейцев не стояли на большевистских позициях [Киуру, 1965; Хесин, 1971]. В современной научной литературе, напротив, отмечаются недооценка значения политической составляющей революционного процесса и спад интереса к солдатскому движению весной 1917 года, к деятельности социалистических партий в войсках, как и к феномену левого радикализма весны — осени 1917 года в целом [Тарасов, 2017, с. 10—14].

Автор ставит целью проследить на материале официальных источников и документов личного происхождения (воспоминания, «письма во власть») проявляющуюся в первые месяцы российской революции политическую самоидентификацию моряков-балтийцев и армейцев гарнизонных частей, стоявших в Финляндии. Представляется важным увидеть новые «образы врага», которые возникали в представлениях рядовых военнослужащих сразу вслед за бурными переменами Февраля 1917 года в финляндских войсках и отразились в «эго-документах».

Источниковую основу исследования составили протоколы и резолюции солдатских и матросских собраний, заседаний комитетов воинских частей, материалы военной цензуры и др. Большинство неопубликованных документов обнаружено среди материалов Национального архива Финляндии (КА) в коллекции «Русские военные бумаги» и в фондах РГА ВМФ

в Санкт-Петербурге. Интересны свидетельства, сохранившиеся в опубликованных дневниках и воспоминаниях военнослужащих, тех, кто весной — летом 1917 года был избран в Советы и комитеты разного уровня. В частности, привлекают внимание редко вводившиеся в научный оборот мемуары партийного активиста гельсингфорсской организации РСДРП(б) В. Н. Залежского, которые были изданы в 1920-е годы [Залежский, 1923; Залежский, 1925].

Уникальным источником являются письма солдат, матросов и офицеров нижнего звена, многие из которых имели мандаты представительных демократических организаций, в редакцию «Известий Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих», как опубликованные, так и хранящиеся в архивах России и Финляндии. В середине мая 1917 года в редакцию этой газеты поступило письмо из действующей армии, автор которого просил прислать на фронт «политических книг и песенников» и «напомнить названия известных песен», на мотив которых можно было исполнять новые. Помимо этого, рядовой солдат выразил желание получить «разъяснительную книгу», где было бы сказано, «что такое демократы, социалисты-революционеры, социал-демократы, социалисты-революционеры, большевики, меньшевики и другие такие незнакомые для нас слова», «чтобы немного понимали, что такое был Дом Романовых». «Сейчас каждый старается просветить свои глаза, но нет чем, и каждый старается удержать завоеванную Вами молодую Россию, но не знает как», — сокрушался фронтовик [Письмо из окопов, 1917]. Содержание этого письма, конечно, не свидетельствует о том, что на передовой, в отличие от Финляндии, находились какие-то особенно отсталые и неразвитые части. Именно таким был общий уровень политического развития рядовых русской армии и флота.

В 1917—1918 годах социальные последствия военных действий и существования военных институтов переплелись с последствиями революционных потрясений всех сторон жизни российского общества. Для изучения общественных настроений людей, оказавшихся очевидцами или участниками событий, письма имеют особое значение, поскольку в них нашли непосредственное отражение представления военнослужащих о переживаемом моменте.

2. Весна 1917: «свои» и «чужие» в воспоминаниях очевидцев

Личный состав армейских частей, многие из которых прибывали в Финляндию для отдыха и пополнения, менялся достаточно часто, и общая усталость от войны, к 1917 году присущая основной массе рядовых российской армии, в меньшей степени затронула военнослужащих, находившихся на территории финляндского княжества. Общее количество рус-

ских сухопутных войск, размещенных в Финляндии, во время российской революции 1917 года составило около 100 тыс. чел.; вместе с личным составом команд Балтийского флота численность солдат и матросов достигала 125 тыс. чел. [Nähri, 1984, s. 173, 180].

Как вспоминает Ю. П. Фролов, служивший врачом на военно-морской базе Гангэ (Ханко), матросские митинги и демонстрации на улицах приморских городов Финляндии не прекращались в первые весенние месяцы ни на один день. «Они занимали видное место в жизни взбудораженной Финляндии, похожей на разрытый муравейник. Матросы, сняв погоны, казалось, не могли наговориться, компенсируя себя за долгие годы молчания». Одной из любимых, волнующих тем была — “долой войну, да здравствует братство всех народов!”». На митингах нередко выступали и моряки, выбранные в Советы и комитеты. «Но если они, указывая матросам на серые, окаймленные льдинами воды Финского залива, говорили о коварном враге — о немцах, то толпа грозилась выкинуть таких ораторов в море» [Фролов, 1962, с. 168].

По наблюдению московского исследователя В. П. Булдакова, влияние агитаторов не могло не быть велико, если принять во внимание, что они призывали не стрелять, а значит, не делать того, что рядовые военнослужащие не хотели сами [Булдаков, 1997, с. 124]. Однако их стремление к миру вовсе не означало требования немедленного прекращения войны во что бы то ни стало. В апреле 1917 года матрос транспорта «Кама» С. Литвинов, призывая солдат «к борьбе до победы» над Германией, писал: «А чтобы нам получить победу и прочный мир навсегда, нужно, чтобы в армии была железная дисциплина, армия без дисциплины — это пушечное мясо». Среди символических образов врагов в его письме возникает мрачный образ германского кайзера — «проклятый гений Вильгельм, который залил всю карту кровью наших братьев». Обращаясь к солдатам и рабочим, автор напомнил о стоявшей перед ними мессианской задаче: «Вы же граждане Свободной России, мы все свои силы должны сплотить воедино и отстоим долгожданную свободу и прочный мир для всего человечества всего мира» [КА, 342: б. д. 11970].

Письмо одного из членов объединенной гельсингфорсской социал-демократической организации свидетельствует о проявлениях нетерпимого отношения рядовых к флотским и армейским офицерам. В мае он сообщил в редакцию в «Известий» о типичном инциденте на солдатском собрании: «Прискорбно было слушать возражения некоторых товарищей против оратора в форме армейского офицера», сопровождавшиеся выкриками «довольно, кончай!» и свистом. Убеждая читателей газеты, что такое поведение «недопустимо, не подходит к званию гражданина и является на-

рушением порядка», автор письма подчеркнул: «Я уверен, что это делается не столько из-за того, что оратор уклонялся, быть может, от прямых доказательств или не указывал на быструю смену Временного правительства, сколько просто из ненависти к офицерству и ничто иное. Я, как и многие товарищи, глубоко убежден, что его слова были искренни и правдивы, несмотря на то, что он не так ловко говорил, как первый товарищ оратор» [РГА ВМФ, ф. Р-315, оп. 1, д. 21, л. 6—6 об.].

Воспоминания Э. С. Панцержанского, непосредственного участника и очевидца событий из офицерской среды, отличает взвешенный подход к описанию положения морского офицерства, например, в рассказе о «погонной революции» на флоте. Весной 1917 года по настоянию рядовых матросов вместе с запрещением титулования офицеров было отменено и ношение погон. Известны случаи матросской расправы над офицерами, не желавшими этому подчиниться [Колоницкий, 2001a].

Отношение автора воспоминаний к нововведениям такого рода передано им совершенно определенно: «На базовом собрании офицеров Гельсингфорса сухопутный генерал К. Алексеевский (выборный комендант Свеаборгской крепости. — *Е. Д.*) закончил выступление демагогическим жестом: сорвав с себя генеральские погоны, он призвал сделать это всех офицеров. Его примеру последовал полковник корпуса гидрографов Ножин, который в пояснение своего поступка доложил собранию, что «эта позорная эмблема царского режима давно уже жгла ему плечи». Не трудно угадать, какой была реакция большинства собравшихся: «В зале поднялся неистовый шум, — продолжает Панцержанский, — Послышались выкрики: “Подлецы! Труссы!” и т. д.». Однако «галерка», где заседали преимущественно матросы, «шумными аплодисментами приветствовала жесты и слова почтенных офицеров». Вопрос о снятии погон в конце концов постановили передать на усмотрение А. С. Максимова, в дни Февральской революции избранного на пост командующего флотом, который «тут же расстался со своими вице-адмиральскими орлами» [Панцержанский, 1987, с. 88]. Наконец, последовал приказ Морского министерства № 125 от 16 апреля о новой форме, получившей название «керенской», согласно которому все виды погон изымались из употребления [Колоницкий, 2001b, с. 178—180].

Вовлечение рядовых военнослужащих в набравшую силу солдатскую революцию непреднамеренно усиливало и национальную революцию финляндцев. В специфических финляндских условиях это наряду с «демократизацией» необычайно осложнило положение армии и флота России на северо-западном рубеже воюющего государства. Отказ от единоначалия командного состава вел к нарушению боеспособности и к фактическому разложению финляндских войск.

3. Расстановка политических сил в финляндских войсках: выборные организации и социалистические партии

Выборные Советы и комитеты, за несколько весенних недель возникшие почти во всех частях и в финляндских гарнизонах, явочным порядком осуществляли «демократизацию» флотской и армейской жизни. Во главе 32 русских Советов, действовавших в гарнизонах на территории бывшего княжества, в апреле встал Областной комитет депутатов армии, флота и рабочих Финляндии (ОКФ). Вместе с Гельсингфорским Советом и Центробалтом — Центральным комитетом Балтийского флота, руководящим выборным органом моряков-балтийцев [Назаренко, 2017, с. 191—205], он являлся ведущей военной организацией. В первоначальном составе флотских и армейских органов демократии, отразившем тогдашнее соотношение партийных сил, преобладание получили эсеры как самая многочисленная партия на флоте и самая популярная политическая партия в России на протяжении всего 1917 года.

В конце марта по инициативе моряков состоялось организационное собрание гельсингфорского отделения партии социалистов-революционеров. Его возглавили приехавший из Нарвы тридцатилетний «тов. Михаил» (М. В. Котрохов), служивший в цензурной комиссии капитан И. Чекоидзе, прапорщик К. Термикелов и матрос с линкора «Петропавловск» И. Расторгуев. В армейском гарнизоне Гельсингфорса, как и на флоте, позиции партии были очень сильны. В первой половине апреля здесь прошло собрание всех эсеровских ячеек, действовавших на главной балтийской военно-морской базе, был избран постоянный комитет городской организации эсеров из 17 человек и принято решение об издании газеты «Народная Нива». Первый номер ее увидел свет 25 апреля.

В середине апреля во дворе флотского полужипажа в г. Або (Турку) по инициативе организационного комитета эсеров состоялся митинг, где записывали желающих вступить в партию. Более полусотни солдат гарнизона г. Риихимяки выступили инициаторами создания местной эсеровской организации, и 20 апреля в нее записалось еще около двух десятков человек. Собравшиеся постановили приветствовать Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и поддержать решения II петроградской конференции партии эсеров по вопросам об отношении к войне и к Временному правительству, высказались за узаконение «завоеванного народом 8-часового рабочего дня и минимума заработной платы». В мае оформилась гельсингфорская фракция левых эсеров, которую вскоре возглавили приехавшие из Петрограда видные работники ЦК партии А. М. Устинов и П. П. Прошьян [Политические деятели ..., 1993, с. 138, 263—265, 303, 328—329, 376, 399, 409, 411; Пасынки революции, 1990].

В июне, после окончательного раскола внутри гельсингфорсской эсеровской организации и ухода Прошьяна и Устинова из редакции «Народной Нивы», руководство газетой полностью перешло в руки правого эсера подполковника С. А. Циона. Финляндский областной комитет партии эсеров-интернационалистов начал издавать газету «Социалист-революционер». Первоначально левые эсеры Устинов и Прошьян были ее редакторами, затем их сменили телеграфист эсминца «Достойный», член ВЦИК П. И. Шишко и депутат от рабочих транспорта «Кама» Д. И. Попов, который в июле 1918 года станет известен всей стране как руководитель матросского отряда во время левозеро́вского мятежа в Москве.

Объединенная социал-демократическая организация «Гельсингфорсский отдел РСДРП» возникла 21 марта 1917 года. В составе комитета из 13 человек, избранного на организационном собрании, преобладали меньшевики, большевиками были лишь двое. В него вошли преимущественно представители интеллигенции (офицеры, служащие Свеаборгского порта и других учреждений города). Комитет возглавил председатель Гельсингфорского Совета мичман Сергей Александрович Гарин (до мая 1917 года Гарфильд).

Позже был создан Гельсингфорсский комитет РСДРП(б), который к концу апреля объединял уже около трех тысяч членов партии (в том числе 500 рабочих и более 1200 матросов) [Седьмая ..., 1958, с. 279]. Гельсингфорские большевики, издававшие газету «Волна» (после июльских событий в Петрограде была переименована в «Прибой»), численно превосходили меньшевиков, но уступали эсерам. «Сильными партийными организациями, тяготеющими к Гельсингфорсу, — вспоминал В. Н. Залезский, в начале апреля приехавший в финляндскую столицу по заданию Петербургского комитета большевиков, — были Тавастгусская, Николайстадская и Абоская, возникшие самостоятельно помимо всякого участия Гельсингфорса». Судя по документам Шестого съезда РСДРП(б), в апреле большевистские организации в Финляндии насчитывали 4500 чел., а к концу июля 1917 года их численность возросла до 7500 чел. (Гельсингфорсская — 4600 чел., Выборгская — 750 чел., Абоская — 100 чел.) [Шестой, 1958, с. 204—206; Залезский, 1923, с. 138].

Член ЦК партии В. А. Антонов-Овсеенко, направленный в Гельсингфорс в начале лета, отмечал, что по сравнению с командами линейных кораблей «Республика» (бывший «Павел I»), «Андрей Первозванный», крейсера «Диана» позиции большевиков были слабее на дредноутах, особенно на «Полтаве», на мелких судах, в пехотных частях, в ротах Свеаборгской артиллерии, где преобладали эсеры. Исключение среди артиллеристов составляли Свеаборгская крепостная телеграфная рота и 12-я рота 2-го Свеаборгского запасного артиллерийского полка, а в пехоте — 128-й Лодей-

нопольский полк, команда связи которого обслуживала Гельсингфорский комитет РСДРП(б) [Антонов–Овсеенко, 1983, с. 45].

Если в Гельсингфорсе, как свидетельствует В. Н. Залежский, «еле-еле хватало активных работников», то их было совершенно недостаточно «для работы в финляндском масштабе», и вести эту работу, посылая организаторов и агитаторов на места, организация была не в силах. Однако постоянное передвижение воинских частей и кораблей в пределах Финляндии порой шло на пользу партийным организациям. В частности, этим упрощалась задача распространения большевистской газеты «Волна» [Залежский, 1923, с. 139].

На массовое сознание населения страны повлияла расцветшая за годы войны «шпиономания», и вплоть до октября 1917 года большевизм ассоциировался прежде всего с авантюристическими заговорами, анархическими выступлениями, которыми должны были воспользоваться «контрреволюция» и «реакция». Как заметила петербургская исследовательница Т. А. Абросимова, интерес к программе большевиков подогревался антибольшевистской кампанией, тем более что в адрес большевиков порой звучали прямые угрозы [Абросимова, 1994, с. 185]. Матрос с эсминца «Самсон» большевик Г. И. Силин, депутат Центробалта, возникшего в Гельсингфорсе весной 1917 года, вспоминал: «На родном корабле, где я служил со дня его постройки, мне совершенно перестали давать говорить, дошло даже до того, что хотели было повесить и одевали петлю на шею». Отнять матроса у «разъярившихся врагов» и «отложить казнь “немецкого шпиона”» удалось лишь благодаря вмешательству его товарищей из команды, действовавших «иногда словом, иногда даже силой». [РГА ВМФ, оп. 1, д. 119, л. 30].

Говоря о работе представителей основных партий в Советах, комитетах и других матросских и солдатских общественно-демократических организациях, следует очертить границы политизации финляндских гарнизонов. Далек не каждый из военнослужащих проявлял интерес к политике, даже в самый кульминационный момент революционного взрыва. Многие рядовые и офицеры были поглощены исполнением своих служебных обязанностей. Для некоторых наступившая свобода означала свободу пренебрегать этими обязанностями ради веселого времяпрепровождения. Весьма порицавшееся в «Известиях» и в партийных изданиях увлечение танцами было далеко не самым предосудительным.

4. Политические настроения нестоличных гарнизонов: Торнео и Риихимяки

Характеризуя умонастроения, отличавшие военнослужащих нестоличных гарнизонов Финляндии, можно сослаться на психологическое со-

стояние офицеров и солдат пропускного пункта Торнео, находящегося на границе со Швецией. Об этом также можно судить на основании свидетельств, приведенных в воспоминаниях В. Н. Залежского. В начале мая 1917 года он был командирован на границу в качестве представителя от большевистского Гельсингфорского комитета.

Пограничные власти, ожидая приезда большой группы политэмигрантов, предупредили ОКФ о том, что военнослужащие Торнео из-за публикаций в праворадикальной печати «находятся всецело под влиянием негативного отношения», поскольку 2 апреля из Германии через Швейцарию на шведско-русскую границу уже прибыл первый эшелон эмигрантов во главе с лидером большевиков В. И. Лениным. «Гарнизон страшно волнуется и нервничает, считает едущих изменниками и германскими шпионами и угрожает встретить их штыками», — вспоминал Залежский [Залежский, 1923, с. 159].

Опасаясь возможных эксцессов на этой почве, пограничные власти просили ОКФ принять экстренные меры и направить в Торнео представителей общественных организаций, в противном случае они не ручались за благополучный исход дела. Областной комитет Финляндии предложил исполкому Гельсингфорского Совета, местным отделениям русских политических партий и Социал-демократической партии Финляндии тоже командировать на границу своих делегатов. В дальнейшем предполагалось возвращение через Германию новых групп эмигрантов, поэтому решено было просить исполком Петроградского Совета «принять меры в общероссийском масштабе во избежание возможных недоразумений и эксцессов» [Залежский, 1923, с. 159—160].

По постановлению экстренного собрания ОКФ вместе с Залежским выехали двое других делегатов: меньшевик М. Диканьский и эсер М. В. Котрохов, депутат Гельсингфорского Совета, который незадолго до этого (16 марта) сам вернулся тем же путем из Христиании (Осло) в группе первых эмигрантов [Залежский, 1923, с. 159; Смолин, 2015, с. 30].

По словам мемуариста, эмиссары из Гельсингфорса застали гарнизон Торнео «в очень возбужденном состоянии». Причину этого он усматривал лишь в настроениях офицеров, которые «идеально» сохранили «старую физиономию офицерства царских дней»: «Я видел, что разговаривать даже с солдатами гарнизона в данный момент дело явно безнадежное — против большевиков они были натасканы весьма основательно». Автор воспоминаний подчеркнул и то влияние, которое оказывали на рядовых пограничников английские и французские офицеры: «Особенно много было англичан. Эти “союзные” офицеры относились к ожидаемым эмигрантам особенно неприязненно, и, видимо, оказывали на наши пограничные власти весьма сильное давление» [Залежский, 1923, с. 160].

В части воспоминаний В. Н. Залежского, озаглавленных «Проезд «через Германию» вождей меньшевизма. Встреча эмигрантов», появляется еще один образ «внутреннего врага», сформировавшийся в представлениях рядовых и их офицеров весной 1917 года. Описывая трения, которые возникли у эмигрантов с пограничными властями на пропускном пункте Торнео, он иронизирует по поводу правил, предлагавшихся для «установления личности» прибывающих: «вдруг-де действительно какой-нибудь германский шпион пролезет...». Делегатов от общественных и меньшевистских партийных организаций, приехавших вместе с ним из Гельсингфорса, Залежский упрекнул в том, что «в этом вопросе они оказались на линии русского черносотенного офицерства и английских офицеров», а с «черносотенным офицерством и с нашими милыми союзниками» он «говорить совершенно не собирался» [Залежский, 1923, с. 160—161].

И все же изучение настроений, политических симпатий и предпочтений руководителей солдатских и матросских комитетов и Советов в исследуемый период позволяет сделать заключение о том, что весной 1917 года ими был накоплен определенный опыт «межпартийного» взаимодействия, который подготовил представительные организации российских военных в Финляндии к выбору во многом самостоятельной линии поведения.

«Внутренний враг», к которому, помимо офицеров, стали относить представителей старой администрации и духовенства, сделался неотъемлемым атрибутом пропаганды при разъяснении причин трудностей или невозможности выполнения активистами «комитетского класса» каких-либо взятых на себя обещаний. Американский историк А. Уайлдман называет *комитетским классом* сообщество руководителей «новоизбранных» демократических организаций, объединявшее выходцев из интеллигенции и крестьян, которые были готовы к такого рода деятельности в верхних эшелонах военных комитетов действующей армии. По наблюдению петербургского исследователя Б. И. Колоницкого, «комитетский класс», возникший на волне кардинальных перемен в обществе и противостоявший старой элите, накапливал как военный опыт, так и «революционно-политический», а также опыт пребывания во власти. Это становилось важным источником авторитета членов войсковых комитетов, все чаще видевших себя в роли будущих «народных вожаков» [Колоницкий, 2019, с. 17; Модсли, 2014, с. 559; Wildman, 1982].

Известный специалист в области источниковедения А. В. Смолин на основании списков, хранящихся в коллекции «Русские военные бумаги» Национального архива Финляндии, изучил персональный состав групп эмигрантов, которые с середины марта до конца июля 1917 года возвращались в Россию через пограничную станцию Торнео. По его подсчетам, за этот период через нее проследовало 6355 человек (из них 988 поли-

тических эмигрантов), воспользовавшихся мартовским постановлением Временного правительства об амнистии и отмене закона от 25 октября 1916 года о борьбе военным шпионажем.

Проанализировав списки проезжающих, которые составлялись в контрразведывательном отделении и на пропускном пункте, а также отправленные в Петроград телеграммы, исследователь отметил, что особенностью рассматриваемых источников может быть их неполнота и что сводные данные о приехавших эмигрантах необходимо сверять с другими материалами [Смолин, 2015, с. 20, 21—24, 26, 28]. Это связано с обстоятельствами бурного революционного времени, когда в ведении документации царил хаос. Вероятно, по указанной причине в составленном им списке прибывших в Торнео 7 мая указано лишь их общее количество: «250 политических эмигрантов, возвращавшихся через Германию санитарным поездом за счет военного ведомства» [Смолин, 2015, с. 39].

Однако в воспоминаниях В. Н. Залежского приводятся имена многих политэмигрантов, принадлежавших к различным социалистическим партиям, которые подтверждены документацией торнеоского пропускного пункта [Залежский, 1923, с. 162; КА. 342: 4, д. 13690, л. 110—111 об]. В их числе старейший эсер М. А. Натансон и видный лидер партии эсеров А. М. Устинов, члены Заграничного секретариата организационного комитета меньшевиков Ю. О. Мартов и А. С. Мартынов, известные меньшевистские руководители П. Б. Аксельрод, И. С. Астров, С. Ю. Семковский. По свидетельству Залежского, сделанному, правда, через несколько лет после описываемых событий, эта партия прибывших состояла из 257 человек, из которых «в группу большевиков входило человек 35—37», среди них А. В. Луначарский, Д. Б. Рязанов, А. Л. Шейнман [Залежский, 1923, с. 159, 162]. Последний по заданию ЦК партии вскоре появится в финляндской столице вместе с В. А. Антоновым-Овсеенко и войдет в Гельсингфорский Совет как представитель местной партийной организации, а осенью на волне радикализации Совета будет избран его председателем.

Неудивительно, что радостно настроенные и чувствовавшие себя уже в России эмигранты были весьма неприятно поражены той неприязненной атмосферой, которая встретила их на границе. «Солдаты смотрели на них злобно, власти — нескрываемо отрицательно и подозрительно, — вспоминает Залежский, — В самом начале процедуры пропуска эмигрантов через пограничный пункт дело пошло не гладко: пограничники всячески придирались, делали попытки обыскивать», в адрес прибывших раздавались «весьма нелестные замечания» [Залежский, 1923, с. 162].

В такой атмосфере каждая маленькая шероховатость и недоразумение грозили вылиться в большой конфликт: когда один из эмигрантов попробо-

вал заговорить о войне с кем-то из солдат, «тот едва не ткнул его штыком». «Уже не только мне, но и Диканскому, и “Михаилу” приходилось напрягать все усилия, чтобы разрядить сгущающуюся атмосферу», — пишет автор воспоминаний. Перейдя на российскую сторону границы, эмигранты «не чувствовали себя здесь желанными», более того, в Торнео «они были окружены врагами». Атмосфера не разряжалась, и, боясь возможных эксцессов со стороны команды, которой предстояло их сопровождать, Залежский срочно сообщил телеграфом в Гельсингфорский Совет и в партийный комитет, что считает необходимым «лично сопровождать наших товарищей-большевиков до Петербурга». По его словам, во все время пути настроение эмигрантов, «при явно враждебном отношении к ним конвоя, было не из веселых» [Залежский, 1923, с. 162—163].

Однако ситуация изменилась, когда поздно ночью поезд пришел на узловую станцию Риихимяки. Здесь делегация гельсингфорских матросов, которая прибыла еще с утра и прождала поезда до часа ночи, приветствовала эмигрантов на перроне громким пением революционных песен. В течение дня приехавшие моряки проводили митинги в пехотном полку, стоявшем в Риихимяки, и сумели «заинтересовать гарнизон проезжающими». Встречать их вышли и местные солдаты, заполнив весь перрон станции. Неожиданная встреча «страшно поразила» эмигрантов, растерявшихся «от радости и наплыва чувств», и превратилась в торжественный митинг. Залежский вспоминает, что перед собравшимися выступили Д. З. Мануильский, А. В. Луначарский, Анжелика Балабанова, Ю. О. Мартов, П. Б. Аксельрод, А. С. Мартынов, А. М. Устинов и Ф. Я. Кон. «Время прошло незаметно, и поезд тронулся среди горячо сочувственной атмосферы к приедем» [Залежский, 1923, с. 162—164].

Примечательно, что во время инцидента со встречей эмигрантов в Торнео Залежский заявил эсеру М. Котрохову и социал-демократу меньшевику М. Диканскому, что необходимость «уладить вопрос» и обеспечить безопасность проезда прибывших является «нравственной и политической обязанностью» его спутников. «Громадная доля ответственности за проявление «того черносотенно-погромного настроения, которое мы здесь нашли, лежит на их партиях», — заключает мемуарист [Залежский, 1923, с. 160].

Приведенные выдержки из его воспоминаний свидетельствуют не только о разной степени политизации различных финляндских гарнизонов, что наблюдается на протяжении всего 1917 года, но и об особенностях политической психологии лидеров социалистических партий. Большевики в этом отношении не были исключением. На сознание меньшевиков и эсеров не менее заметное влияние оказала инерция борьбы с «рецидивами царизма», что выразилось в поисках «врагов революции», «врагов

пролетариата», «контрреволюционеров», «третьей силы», «темных сил», «провокаторов», «желтой прессы», элементов, занимающихся «клеветой и инсинуациями» [Figes et al, 1999, p. 153—186].

5. Заключение

К лету 1917 года к недовольству рядовых офицерским составом прибавилось и их раздражение, вызванное действиями представителей «комитетского класса», так отличавшихся от основной массы военнослужащих по мировоззрению, социальному положению и уровню культурного развития.

Показательно обращение в редакцию гельсингфорских «Известий» одного из артиллеристов, который в конце июня прислал заметку с ироничным названием «Братство». Его письмо, оставшееся неопубликованным, проникнуто резко негативным отношением к тем «революционным интеллектуалам», которые совсем недавно были «властителями дум» протестующего большинства. По мере угасания эйфорического подъема, свойственного первым дням революции, нижние чины начинали воспринимать их как «господ», с кем матросам и солдатам стало не по пути. Автор письма рассчитывал через газету обратить внимание своих товарищей на то, что в его полку, «как и в прочих, есть комитет, в котором вся интеллигенция», и что «они себя считают какими-то властелинами, это видно из их постановлений». Призвав однополчан переизбрать ротный комитет, он предупредил, чтобы вновь избранные «не были такие же, как эти властелины», которые «совсем не соответствуют своему назначению», ведь «у них не братские чувства, а как у любого врага» [КА]. «Образы врага», сформировавшиеся в представлениях рядовых в самом начале революции, по мере ее развития дополнялись новыми, и в стан врагов стали зачисляться недавние «свои», неожиданно ставшие «чужими».

Знакомство с источниками личного происхождения, несмотря на субъективность оценок их авторов, позволяет увидеть, какой отпечаток накладывала на жизнь социума военная повседневность, определявшая в годы Первой мировой стиль поведения не только самих военных, но и гражданского населения. Внимание, уделяемое аспектам политической самоидентификации офицеров и «нижних чинов», безусловно, добавляет новые штрихи к портрету «человека с ружьем», продолжавшего свою службу на территории бывшего Великого княжества, и дает возможность выявить ключевые особенности партийной пропаганды, которая была развернута эсеровскими и большевистскими организациями, солдатскими и матросскими Советами и комитетами.

«Демократизация» армии и флота, начавшаяся весной 1917 года, вызвала озабоченность самих моряков и армейцев, которые пытались привлечь

внимание матросов и солдат к такому большому вопросу, как соблюдение воинской дисциплины. О бесчинствах сограждан по отношению к местному населению с горечью писали гельсингфорские и абоские «Известия», среди корреспонденций в редакции газет и в секцию Охраны народной свободы Гельсингфорского Совета такие сообщения составляют немалую часть.

Трудно переоценить значение писем и воспоминаний участников и очевидцев событий: эти «человеческие документы» дополняют и уточняют служебно-аналитическую документацию, в частности, связанную с проездом политэмигрантов, которые возвращались в Петроград через территорию Финляндии. Благодаря этим источникам стало возможно проследить, как и какие стереотипы и предрассудки под воздействием обстановки революционного времени и возникновения новых общественных институтов становились причиной конфликтных ситуаций во взаимоотношениях солдат и матросов с офицерами, с эмигрантами, с представителями нарождающегося «комитетского класса».

Исследование вопроса о политической самоидентификации военных, изменившейся после Февраля 1917 года, приводит к выводу о том, что роль российских военнослужащих в весенних событиях этого переломного в судьбах России и Финляндии года значительно более существенна, чем было принято считать в советской историографии. В новых обстоятельствах, когда во внешний военный конфликт вмешался фактор внутренних революционных перемен, появление партийной и советской печати позволило морякам и армейцам весной 1917 года взглянуть на «своих» и «чужих» со страниц гельсингфорских, абоских, выборгских изданий и не остаться для будущих исследователей лишь безликой массой «боевого резерва революционного Петрограда».

Источники и принятые сокращения

1. Антонов–Овсеенко В. А. В революции. Воспоминания / В. А. Антонов–Овсеенко. — Москва : Политиздат, 1983. — 176 с.
2. Залежский В. Н. Гельсингфорс весной и летом 1917 г. / В. Н. Залежский // Пролетарская революция. — 1923. — № 5. — С. 115—189.
3. Залежский В. Н. Борьба за Балтийский флот / В. Н. Залежский. — Москва ; Ленинград : Молодая гвардия, 1925. — 166 с.
4. КА — *Kansallisarkisto* (Национальный Архив Финляндии). «Русские военные бумаги». 342 : 4. Д. 13690. Л. 110—111 об. ; 342 : 6. Д. 11970 (листы не нумерованы).
5. Панцержанский Э. С. От Февраля к Октябрю / Э. С. Панцержанский // Север. — 1987. — № 8. — С. 72—92.
6. Письмо из окопов // Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих : газета. — 1917. — № 48. — 13 мая. — С. 3.
7. Политические деятели России 1917 года : биографический словарь. — Москва : БРЭ, 1993. — 432 с. — ISBN 5-85270-137-8.

8. РГАВМФ — *Российский Государственный архив Военно-морского флота* в Санкт-Петербурге. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 21. Л. 6—6 об. ; Оп. 1. Д. 119. Л. 30.
9. *Седьмая* (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевики) ; Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевики). Апрель 1917 года : Протоколы / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — Москва : Госполитиздат, 1958. — 424 с.
10. *Фролов Ю. П.* Февраль-октябрь 1917 г. на Балтийском флоте и в Финляндии (Воспоминания морского врача) / Ю. П. Фролов // Скандинавский сборник. — Таллинн : Эстонское государственное издательство, 1962. — Выпуск 5. — С. 163—176.
11. *Шестой съезд РСДРП* (большевики). Август 1917 г. Протоколы и постановления. — Москва : Госполитиздат, 1958. — 488 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абросимова Т. А.* Социалистическая идея в массовом сознании 1917 г. / Т. А. Абросимова // *Анатомия революции. 1917 год в России : массы, партии, власть.* — Санкт-Петербург : «Глагол», 1994. — С. 176—187.
2. *Бажанов Д. А.* Щит Петрограда. Служебные будни балтийских дредноутов в 1914—1917 гг. / Д. А. Бажанов. — Санкт-Петербург : РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. — 224 с. — ISBN 978-5-8064-1247-9.
3. *Булдаков В. П.* Красная смута : природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. — Москва : РОССПЭН, 1997. — 376 с. — ISBN 5-86004-168-3.
4. *Дубровская Е. Ю.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914—1918) / Е. Ю. Дубровская. — Петрозаводск : Издательство Петрозаводского государственного университета, 2008. — 128 с.
5. *Киуру М. Х.* Боевой резерв революционного Петрограда. Из истории русских большевистских организаций в Финляндии / М. Х. Киуру. — Петрозаводск : Карельское книжное издательство, 1965. — 223 с.
6. *Клинге М.* Имперская Финляндия / М. Клинге. — Санкт-Петербург : Издательский дом «Коло», 2005. — 616 с. — ISBN 5-901841-22-0.
7. *Колоницкий Б. И.* От мировой войны к гражданским войнам (1917? — 1922?) / Б. И. Колоницкий // *Российская история.* — 2019. — № 1. — С. 3—24. — DOI: 10.31857/S086956870004216-8.
8. *Колоницкий Б. И.* Погоны и борьба за власть в 1917 году / Б. И. Колоницкий. — Санкт-Петербург : Остров, 2001. — 83 с. — ISBN 5-94500-003-5.
9. *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть : к изучению политической культуры российской революции 1917 года / Б. И. Колоницкий. — Санкт-Петербург : Дм. Буланин, 2001. — 349 с. — ISBN 5-86007-274-0.
10. *Лунтинен П.* Отношения между финнами и русскими во время Великого княжества Финляндского / П. Лунтинен // *Россия и Финляндия : проблемы взаимовосприятия. XVII—XX вв. / Коллект. монография.* — Москва : ИРИ РАН, 2006. — С. 60—72.
11. *Модсли И.* Солдаты и матросы / И. Модсли // *Критический словарь русской революции : 1914—1921 / сост. Э. Актон, У. Г. Розенберг, В. Ю. Черняев.* — Санкт-Петербург : «Нестор-История», 2014. — С. 558—564. — ISBN 978-5-4469-0360-3.
12. *Назаренко К. Б.* Балтийский флот в революции. 1917—1918 гг. / К. Б. Назаренко. — Москва : Эксмо, 2017. — 448 с. — ISBN 978-5-699-95886-3.
13. *Пасынки революции* // *Родина.* — 1990. — № 3. — С. 67—74.

14. Поршневa О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918) / О. С. Поршнева. — Екатеринбург : Уро РАН, 2000. — 415 с.
15. Сeнявская Е. С. Противники России в войнах XX века : Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е. С. Сeнявская. — Москва : РОССПЭН, 2006. — 288 с. — ISBN 5-8243-0782-2.
16. Соломeц И. М. Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.) / И. М. Соломeц. — Петрозаводск : Издательство Петрозаводского государственного университета, 1992. — 90 с.
17. Смолин А. В. 1917 год : Торнео — дорога в Россию / А. В. Смолин // Новейшая история России. — 2015. — № 2. — С. 19—53.
18. Тарасов К. А. Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне (февраль 1917 — март 1918 г.) / К. А. Тарасов. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 376 с. — ISBN 978-5-94380-239-3.
19. Хесин С. С. Октябрьская революция и флот / С. С. Хесин. — Москва : Наука, 1971. — 487 с.
20. Figs O. Interpreting the Russian Revolution : the Language and Symbols of 1917 / O. Figs, B. Kolonitskii. — New Haven, London : Yale Univ. Press., 1999. — 198 p. — ISBN 0-300-08106-5.
21. Karemaa O. Vihollisia, vainojia, syöpäläisiä : venäläisviha Suomessa 1917—1923 / O. Karemaa. — Helsinki : SKS Toimituksia, 1988. — 221 s. — ISBN 951-710-081-7.
22. Nähri M. Venäläiset joukot Suomessa autonomian aikana / M. Nähri // Venäläiset Suomessa : 1809—1917. — Historiallinen Arkisto. — 1984. — Vol. 83. — S. 161—180.
23. Wildman A. K. The Soldier's Plebiscite : Soviet Power and the Committee Revolution at the Front, October-November 1917 / A. K. Wildman. — Kenan Institute for Advanced Russian Studies. — 1982. — № 163. — 46 p.

MATERIAL RESOURCES

- Antonov-Ovseenko, V. A. (1983). *In the revolution. Memoirs*. Moscow: Politizdat. 176 p. (In Russ.).
- Frolov, Yu. P. (1962). February-October 1917 on the Baltic Fleet and in Finland (Memoirs of a naval doctor). *Scandinavian collection*, 5. Tallinn: Estonian State Publishing House. 163—176. (In Russ.).
- Kansallisarkisto (National Archive of Finland). “Russian military papers”. 342: 4, d. 13690, l. 110—111 vol.; 342: 6, d. 11970 (sheets are not numbered). (In Russ.).
- Letter from the trenches. (1917). *News of the Helsingfors Council of Deputies of the Army, Navy and Workers: gazeta*, 48: May 13. P. 3. (In Russ.).
- Panzerzhansky, E. S. (1987). From February to October. *North*, 8: 72—92. (In Russ.).
- Political figures of Russia in 1917: a biographical dictionary*. (1993). Moscow: BRE. 432 p. ISBN 5-85270-137-8. (In Russ.).
- Russian State Archive of the Navy in St. Petersburg. F. R-315. Op. 1. d. 21. L. 6—6 vol.; Op. 1. D. 119. L. 30*. (In Russ.).
- The Seventh (April) All-Russian Conference of the RSDLP (Bolsheviks); Petrograd City-wide Conference of the RSDLP (Bolsheviks). April 1917: Protocols / Institute*

of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU. (1958). Moscow: Gospolitizdat. 424 p. (In Russ.).

The Sixth Congress of the RSDLP (Bolsheviks). August 1917 Protocols and resolutions. (1958). Moscow: Gospolitizdat. 488 p. (In Russ.).

Zalezhsy, V. N. (1923). Helsingfors in the spring and summer of 1917. *Proletarian Revolution*, 5: 115—189. (In Russ.).

Zalezhsy, V. N. (1925). *The struggle for the Baltic Fleet.* Moscow; Leningrad: Molodaya gvardiya. 166 p. (In Russ.).

REFERENCES

Abrosimova, T. A. (1994). The socialist idea in the mass consciousness of 1917. In: *The anatomy of a revolution. 1917 in Russia: masses, parties, power.* St. Petersburg: “Verb”. 176—187. (In Russ.).

Bazhanov, D. A. (2007). *Shield of Petrograd. Official everyday life of the Baltic Dreadnoughts in 1914—1917.* St. Petersburg: A. I. Herzen State Pedagogical University. 224 p. ISBN 978-5-8064-1247-9. (In Russ.).

Buldakov, V. P. (1997). *Krasnaya smuta: the Nature and consequences of revolutionary violence.* Moscow: ROSSPEN. 376 p. ISBN 5-86004-168-3. (In Russ.).

Dubrovskaya, E. Y. (2008). *Russian servicemen and the population of Finland during the First World War (1914—1918).* Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publishing House. 128 p. (In Russ.).

Figes, O., Kolonitskii, B. (1999). *Interpreting the Russian Revolution: the Language and Symbols of 1917.* New Haven, London: Yale Univ. Press. 198 p. ISBN 0-300-08106-5.

Karemaa, O. (1988). *Vihollisia, vainojia, syöpäläisiä: venäläisviha Suomessa 1917—1923.* Helsinki: SKS Toimituksia. 221 s. ISBN 951-710-081-7. (In Fin.).

Khesin, S. S. (1971). *The October Revolution and the Fleet.* Moscow: Nauka. 487 p. (In Russ.).

Kiuru, M. H. (1965). *Combat Reserve of revolutionary Petrograd. From the History of Russian Bolshevik organizations in Finland.* Petrozavodsk: Karelian Book Publishing House. 223 p. (In Russ.).

Klinge, M. (2005). *Imperial Finland.* St. Petersburg: Kolo Publishing House. 616 p. ISBN 5-901841-22-0. (In Russ.).

Kolonitsky, B. I. (2019). From World War to civil wars (1917?—1922?). *Russian History*, 1: 3—24. DOI: 10.31857/S086956870004216-8. (In Russ.).

Kolonitsky, B. I. (2001). *Shoulder straps and the struggle for power in 1917.* St. Petersburg: Ostrov. 83 p. ISBN 5-94500-003-5. (In Russ.).

Kolonitsky, B. I. (2001). *Symbols of power and the Struggle for power: to study the political culture of the Russian Revolution of 1917.* St. Petersburg: Dm. Bulanin. 349 p. ISBN 5-86007-274-0. (In Russ.).

Luntinen, P. (2006). Relations between Finns and Russians during the Grand Duchy of Finland. In: *Russia and Finland: problems of mutual perception. XVII—XX centuries. Collection. monograph.* Moscow: IRI RAS. 60—72. (In Russ.).

Modsley, I. (2014). *Soldiers and sailors. Critical Dictionary of the Russian Revolution: 1914—1921.* St. Petersburg: “Nestor-History”. 558—564. ISBN 978-5-4469-0360-3. (In Russ.).

Nähri, M. (1984). Venäläiset joukot Suomessa autonomian aikana. *Venäläiset Suomessa: 1809—1917. Historiallinen Arkisto*, 83: 161—180. (In Fin.).

- Nazarenko, K. B. (2017). *The Baltic Fleet in the revolution. 1917—1918*. Moscow: Eksmo. 448 p. ISBN 978-5-699-95886-3. (In Russ.).
- Porshneva, O. S. (2000). *Mentality and social behavior of workers, peasants and soldiers of Russia during the First World War (1914 — March 1918)*. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 415 p. (In Russ.).
- Senyavskaya, E. S. (2006). *Opponents of Russia in the wars of the twentieth century: The evolution of the “image of the enemy” in the minds of the army and society*. Moscow: ROSSPEN. 288 p. ISBN 5-8243-0782-2. (In Russ.).
- Smolin, A. V. (2015). 1917: Torneo — the road to Russia. *The modern history of Russia*, 2: 19—53. (In Russ.).
- Solomesh, I. M. (1992). *The Finnish policy of tsarism during the First World War (1914 — February 1917)*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publishing House. 90 p. (In Russ.).
- Stepsons of the Revolution. (1990). *Rodina*, 3: 67—74. (In Russ.).
- Tarasov, K. A. (2017). *Soldier’s Bolshevism. The military organization of the Bolsheviks and the radical left movement in the Petrograd garrison (February 1917 — March 1918)*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 376 p. ISBN 978-5-94380-239-3. (In Russ.).
- Wildman, A. K. (1982). The Soldier’s Plebiscite: Soviet Power and the Committee Revolution at the Front, October-November 1917. *Kenan Institute for Advanced Russian Studies*, 163: 46 p.